

КАК ВЫЖИТЬ, ЖИВЯ ОБЫЧНОЙ ЖИЗНЬЮ?

В людях уживаются два чувства — беспокойство из-за того, что они отличаются от других, и некая гордость за это.

Сейчас я как нельзя лучше понимаю, что в нашем мире нет ничего обыкновенного. **Если есть 100 людей — есть 100 разных историй, нет на свете двух людей, обстоятельства жизни которых полностью совпадали бы. Значит, даже если и есть представление об обычном, таком, как все, человек, в реальности он не существует** — вот что я думаю.

Однако оставим в стороне подобные рассуждения и подумаем — нам стоит любить обыкновенность или же ненавидеть ее? Было время, когда этот вопрос терзал меня дено и ночью, отравляя жизнь.

Мои первые яркие осмысленные воспоминания начинаются с поры младшей школы. После занятий, когда я возвращался из школы, дома все были заняты хлопотами, связанными с торговлей, и, чтобы я не мешался под ногами, обычно меня

отправляли гулять на улицу. Там я играл с друзьями-соседями, но когда наступал вечер, все возвращались по своим домам.

Только у меня дома ужин еще не был готов — я точно знал это, поэтому вернуться не мог. И даже если я играл в гостях у кого-то из друзей, когда наступало вечер, мне приходилось уходить, краем глаза видя уже накрытый к ужину стол.

Со временем я привык есть в чужих домах. Сегодня загляну вон к тем соседям, и меня покормят караагэ, завтра вон туда — там будет карри... Так я угощался ужином то у одноклассников, то у добрых тетушек-соседей.

А порой я заглядывал в кафе и суши-ресторанчики торгового квартала, где жил, и в одиночку съедал тарелку чего-нибудь вкусного вроде пасты или суши с тунцом, угрем, икрой и т. п. Конечно, стоимость я просил записать на счет, который потом оплачивали родители. Так или иначе, это было не похоже на жизнь обычного ребенка.

В то же время я начал понемногу таскать деньги, которые родители откладывали мне на университет, — около 1 000 000 йен, и в итоге растратил их почти полностью.

Конечно, узнав об этом, родители сильно отругали меня, но, честно говоря, я не испытывал тогда особых мук совести.

Что скрыто за ощущением, что только я не такой, как все остальные?

На что ученик младшей школы мог потратить такие огромные деньги? На походы в парк аттракционов с друзьями или поездки в пригород, чтобы посмотреть на огромного Будду.

Когда мои ровесники увлекались популярными в то время героями детских передач вроде Ультрамена, я увлекся статуями Будды.

Не помню, что послужило причиной, но пока одноклассники листали книжки с изображениями разных монстров и персонажей мультиков, я в одиночестве просматривал один за другим сборники фотографий в книжных и библиотеках.

И, украдкой сняв деньги со счета в банке, я в одиночестве съездил в Камакуру, чтобы полюбоваться огромной статуей Будды, а после даже отправился на скоростном поезде синкансэн в мекку буддистских статуй — в Киото.

То было время людей эпохи Сёва, и при виде младшеклассника, в одиночестве едущего в синкансэн, взрослые обычно говорили: «Малыш, ты, наверное, едешь к бабушке, да? Молодец, какой самостоятельный», а порой и делились едой или фруктами.

Прибыв в Киото, я отправился к храму Тодзи и, проскользнув через ворота, зашагал по прихрамовой территории, пока впереди не показался храмовый комплекс, внутри которого я смог своими глазами увидеть главные святыни храма — огромные статуи Якуси-нёрай, Сурьяпрабха, Чандрапрабха и другие. Великолепный вид этих статуй, то грандиозное впечатление, которое они производят вживую, превосходили все ожидания — я был поражен.

В то время, глядя на одноклассников, сходящих с ума по мультяшным монстрам и великим героям, я думал: как же это глупо и по-детски. Кроме того, когда в школе или еще где-то мне приходилось держаться с другими детьми за руки, участвовать в каких-то танцах и представлениях, я сильно смущался и воспринимал это как унижение, через которое меня заставляют проходить.

Детскую беззаботность я не то чтобы терпеть не мог, скорее не доверял ей и не мог ей предаваться всем сердцем.

Мое отношение к детским занятиям и то, что я смотрел на ровесников сверху вниз, скорее всего, были проявлением моей позиции, что я не такой, как все, и это одновременно вызывало беспокойство и заставляло гордиться собой.

От недостижимого идеала и суровой реальности

Моя семья была далеко не типичной. Об этом я много и подробно писал в книге «Отрезанная ветвь семейного дерева», поэтому не буду повторять здесь все в подробностях, но если коротко, моя семья не просто не типична, скорее ее можно было бы назвать сломанной.

Так ярко, что и сейчас это можно назвать травмой, в мою память врезалось наше удручающее меню (едой это и не назвать). На ужин всегда был лишь белый рис и готовое сашими, купленное в супермаркете. На обед летом мы ели вареную лапшу, приправленную лишь соевым соусом, разведенным водой. И так каждый день.

Когда в средней школе я начал брать с собой обед в коробочке-бенто, каждый раз обеденное время казалось мне сплошным кошмаром.

В коробочке рядом с рисом обычно лежала лишь холодная котлета из супермаркета, даже не распакованная. А случилось, что единственной добавкой к рису была картошка фри из «Макдоналдса»... Полежав и остыв, она становилась мягкой. Бывало, что на обед мне доставались только белый рис и яблоко.

Так как я не хотел, чтобы одноклассники увидели содержимое моего ланч-бокса, я старался открывать его очень осторожно, прикрывая руками, и поскорее забросить все в рот — я до сих пор хорошо это помню (справедливости ради добавлю, что сейчас мама научилась готовить нормальную вкусную еду). Мать родила меня, когда ей было всего двадцать, поэтому вышло так, что ребенка воспитывал другой ребенок.

В детстве у меня были проблемы со слухом, из-за которых я почти ничего не слышал, однако в доме все были заняты семейным делом, поэтому ни мать, ни отец до моих четырех лет даже не заметили проблемы.

Собственный дом был для меня дистопией. Будучи мальчиком, я начал интересоваться противоположным полом и всерьез увлекся сериалами для девочек вроде «Ведьмы Салли» или «Девочки-волшебницы Мэгу-тян» — пожалуй, это увлечение также было выражением безотчетного желания сбежать от реальности.

Сейчас я понимаю, что и постоянные ужины вне дома, и растрачивание семейных денег — все это было выражением скрытого протеста по отношению к дому и семье.

БЕСКОНЕЧНАЯ ЧЕРЕДА ПОРАЖЕНИЙ

Эпоха Сёва сменилась на Хэйсэй, близился выпускной в старшей школе — и как у моих приятелей из родного города, так и у молодежи, собирающейся в Харадзюку, начали появляться новые темы для разговоров. Кто-то всерьез принялся за учебу, чтобы подготовиться ко вступительному в университет, кто-то начал интересоваться трудоустройством... Были и те, кто нравоучительно высказывал мне: «Может, и тебе уже пора бы задуматься о будущем?» Мне казалось, что земля уходит у меня из-под ног. **Все вокруг вдруг начали готовиться к тому, чтобы вернуться к нормальности.** И я, не веря своим глазам, ошеломленно застыл на месте, наблюдая за переменами, происходящими с друзьями.

Как же так, разве мы не обещали, что всегда будем заодно?

Разве нельзя и дальше просто жить так же легко и беззаботно?

Я сам пока не хотел ни поступать в университет, ни устраиваться на работу в какую-нибудь компанию. С другой сторо-

ны, дела, которым непременно хотелось бы заняться, у меня тоже не было, да и не умел я ничего особенного. Больше всего мне хотелось плыть по течению в теплых безмятежных водах, как и прежде.

День за днем предавался я таким размышлениям, и в конце концов мне все опротивело. И семья, и школа, и друзья, и я сам со своей нерешительностью. Я чувствовал: если я так и застряну в родном городе, мне не выбраться из этой трясины. **«В любом случае нужно что-то менять. Иначе я просто растрату жизнь зря»**, — подгоняемый такими тревожными мыслями, я решил круто поменять прежнюю жизнь и начать все заново, покинув родной дом и родной город.

Жестокая реальность, поджидающая за углом

«Большой землей», куда я направился, чтобы начать новую жизнь, стала Осака. На самом деле в душе я жаждал более радикальных и впечатляющих перемен, чего-то вроде стажировки или учебы за границей — в Нью-Йорке или Лондоне... Но, по правде говоря, у меня тогда было недостаточно решительности для подобного шага, поэтому я выбрал компромиссный вариант.

Причину своего переезда для родителей я придумал на ходу: «Там есть колледж, в который я хочу пойти» — и получил от них деньги на жизнь и учебу. Так что, едва выпустившись из старшей школы, я тут же, с одной сумкой через плечо, отправился в Осаку.

Однако пусть я и прибыл на новое место, чтобы начать жизнь с чистого листа, мои легкомысленные неприглядные будни ничуть не изменились.

В колледж, в который я должен был поступить, мое заявление не приняли из-за пропусков в анкете, но я вернулся с ним в арендованную комнату и так и не подал заново, так что в итоге никуда не поступил.

В результате какое-то время я вел жизнь безработного тунеядца, но потом решил, что стоит найти хотя бы подработку, и устроился мыть посуду в бар.

Поначалу, так как я приехал из окрестностей Токио, коллеги относились ко мне с любопытством, но из-за волнения и болезненной гордости я строил из себя невесть что, разговаривал как коренной токиец и в итоге заработал себе репутацию выпендренника.

Каждый день я пребывал в непрерывном стрессе. Лежа в своей комнате в новом незнакомом городе и глядя в потолок, я без конца думал о будущем, и мысли мои становились все более тревожными и не давали уснуть: «Что я вообще тут делаю? Кем я в итоге стану? Что же будет дальше?» В итоге я не смыкал глаз до утра или засыпал уже ближе к рассвету, просыпал и опаздывал на работу. В конце концов старший товарищ с работы взъелся на меня, и меня уволили.

После этого я почти перестал выходить из комнаты и жил как затворник. **Это были дни абсолютного бездействия.** Единственное, что я делал тогда, — это записывал популярную в то время в Осаке телепередачу DOWNTOWN, клеил на кассеты наклейки с датами и аккуратно расставлял их на полке.

В итоге и в Осаке у меня ничего не получилось. Этот опыт послужил напоминанием о том, что жить обычной жизнью я не способен, что создало почву для новых комплексов и усиления чувства собственной унижительной беспомощности.

ВСТРЕЧА С КНИГОЙ, ИЗМЕНИВШЕЙ ЖИЗНЬ

Спустя время я решил вернуться в Токио. За два года, проведенных в Осаке, я получил лишь одну важную вещь, повлиявшую на мое будущее.

Это случилось летом, когда я провел в Осаке уже более полутора лет бесплодной пустой жизни. Денег у меня не было, дела по душе — тоже, в тесной комнате без кондиционера было слишком жарко, поэтому я стал проводить время в библиотеке рядом с домом.

Однажды, когда я скользил взглядом по книгам на полках, думая, с какой бы убить время, одна привлекла мое внимание. На чопорной обложке в черно-белую полоску красовалась иллюстрация губ — она показалась мне странной.

Книга называлась «Брось книгу, выйди в город»¹.

Автор — Сюдзи Тэраяма.

.....

¹ На русском языке пьеса не издавалась. — Примеч. ред.

Заинтересовавшись, я начал читать ее. Местами смысл казался мне не очень понятным, но я продолжал читать, и перед моими глазами одна за другой мелькали слова и фразы, затрагивающие до глубины души.

Сложно объяснить, но в этой книге оказалось собрано все, что мне было так необходимо в ту пору. Каждое слово, каждая фраза, казалось, пронзали меня, точно стрелой, подерживая и вдохновляя.

Я будто пробудился, к чему и призывало название книги. Если уж есть время читать книги и прохладиться, лучше вырвись на свободу, отправься в путь, пусть даже и с пустыми руками... В этой книге был мощнейший посыл: чем без конца размышлять, лучше начать действовать, делать что-то.

Проникнувшись словами Сюджи Тэраямы, я стал стремиться вырваться из никчемности своей нынешней жизни, каждый день вставал рано утром, отправлялся в библиотеку и читал книги этого писателя одну за другой.

Необязательно жить как все

Думаю, главное, чему меня научили книги Тэраямы, что **необязательно жить как все — можно разрушить само понятие нормы и вырваться за пределы стандартов.**

«Все должно быть вот так и никак иначе, это ведь само собой разумеется...» — мир живет по подобным навязанным принципам и устоявшимся правилам, и люди оказываются заперты в клетке собственного здравого смысла.

Однако Тэраяма стремился посеять сомнения в понятии «нормальность», разрушить его. **Он призывал вырваться из ограничивающих свободу навязанных представлений о том, как должно быть. «Брось книги, выйди в город» — вот та «революция», которая нужна людям в наше время.**

Я всю жизнь до того момента подсознательно стремился оставаться в очерченных самим собой рамках, не мог отделаться от установок, что я должен быть обычным и жить, как все живут. И угнетенный этими формальностями, я постепенно терял вкус жизни.

Но ведь совершенно необязательно жить как все. **Образ мышления и образ жизни, умения и навыки у разных людей**

разные, это то, что делает нас личностями. А значит, необязательно быть обычными... Размышляя об этом, я смог наконец вырваться из-под гнета одолевавших меня тяжелых мыслей и почувствовал, что сделал первые шаги на пути к освобождению.

Конечно, я не уверен, что Сюдзи Тэраяма вкладывал в свою книгу именно такой смысл, правильно ли я его понял. Однако пока я читал ее, заржавевшие цепи, сковывающие меня, распались, тревога утихала, и тяжесть, лежащая на сердце, постепенно исчезала. А затем... Затем мне выпал шанс в реальности последовать призыву «Брось книги, выйди в город».

Я решился покончить со своей жизнью затворника и вернуться в Токио, чтобы начать все сначала. «Я не знаю, что я буду делать в Токио, как далеко смогу продвинуться, однако, если это в моих силах, я хочу, как и Сюдзи Тэраяма, посвятить жизнь самовыражению. Даже если таланта у меня не хватит, даже если это будет искусством для себя, я все равно жажду попробовать себя на этом поприще», — так я решил.

СВОЕ МЕСТО, ОБРЕТЕННОЕ В КОНЦЕ ПУТИ

Поначалу я решил попробовать реализоваться в театре. Я посещал один за другим спектакли, которые имели отношение к творчеству Сюззи Тэраямы, пока мое внимание не привлекла крайне яркая, оригинальная, необычная театральная труппа.

Они не играли обычные спектакли по определенному сценарию. Они создавали перформансы, основанные на импровизации, как театры тех направлений, которые во времена Сюззи Тэраямы назывались андеграундом и хеппенингом.

Смотря эти авангардные, бунтарские, безрассудные перформансы, я в восторге думал: «Вот оно! Вот та самая попытка разрушить само понятие нормальности, о которой говорил Сюззи Тэраяма!» — и, подав заявку, присоединился к труппе — сначала как работник сцены, а затем и как участник представлений.

Это были не классические сюжетные спектакли — например, актеры спускались в зрительный зал, просили зрителей снять обувь и стирали ее на сцене. Или же, делая билеты на часть мест максимально дешевыми, разворачивали их от сцены. Разумеется, посмотреть представление сидя спиной было невозможно, но мы предлагали зрителям использовать воображение.

Такие странные, невообразимые, далекие от здравого смысла идеи, которые сложно назвать и розыгрышами, и нетрадиционным театром, мы и реализовывали на сцене.

Сложно сказать, было ли это тем самым самовыражением, к которому я стремился, в полном смысле этого слова, однако для меня это был новый, окрыляющий опыт: открыто выражать свои стремления и эмоции и видеть, как они затрагивают сердца людей.

Рождение Себастьяна Масуды

Именно в то время, когда я играл в театре, я придумал свой псевдоним.

Присоединившись к труппе, я участвовал в постановках как актер, но мое имя было слишком уж обычным, и я

захотел придумать что-то более яркое и запоминающееся. **Кроме того, новое имя было для меня символом перерождения, избавления от старого себя, нерешительного и мечущегося.** Жажда перемен стала еще одной причиной смены имени.

Но нельзя сказать, что я подошел к выбору имени очень уж серьезно. В то время многие артисты выбирали себе странные имена, смешивая японские и иностранные, и я решил последовать их примеру и выбрать что-то запоминающееся и интересное.

Тогда я и вспомнил, что в игровом центре в Синдзюку был автомат, выдающий счастливые прозвища, и отправился туда.

Система была простой: кидаешь в аппарат монетку в сто иен, вводишь дату рождения, имя и еще какие-то данные о себе, и из него выпадает маленькая бумажка.

Развернув ее, я увидел два имени, словно данные свыше: Гонсалес и Себастьян.

Я решил, что Гонсалес мне не очень подходит, и в итоге остановился на Себастьяне.

Себастьян Масуда.

Похоже на имя священника, который прибыл в Японию проповедовать свою религию, потерпел поражение, но так и остался тут. Однако оно было запоминающимся и пришлось мне по вкусу.

С того дня я начал называться этим именем и сейчас люблю его гораздо больше, чем свое настоящее (тем более что этот псевдоним и правда стал для меня счастливым).

Как выразить себя в бесцветном мире

Возможно, многие, слыша имя Себастьян Масуда, думают: «До чего несерьезное имечко!» Арт-перформансы, которые я создавал, оценивали примерно так же.

В то время я уже решил, что главной темой моего самовыражения будет цвет — и не просто цвет, а яркое, насыщенное разноцветье.

Во второй половине 80-х в моде и в искусстве преобладали сдержанные, монотонные цвета, ассоциирующиеся с металлом, механизмами и компьютерами — символами ожидающего за углом будущего. В то время все бесцветное считалось очень крутым и стильным. И я, поддавшись общему

настрою, поначалу стремился следовать этой моде, но что-то в ней меня не устраивало.

В подобных расцветках не чувствовалась реальность, к тому же следование моде сложно было назвать самовыражением — все равно что подражать толпе.

И когда я подумал, что хочу вернуться к истокам, к самому себе, в моем сознании всплыли воспоминания из детства — город Мацудо, магазин кимоно, два года, проведенные в торговых кварталах Осаки... Я понял, что мне по нраву кричащие, яркие цвета. Еще одним моим ориентиром стала культура района Синдзюку времен Сюдзи Тэраямы, а также движение хиппи с их многоцветием. Это был гимн протеста против обыденности.

В то время я уже реализовал несколько своих собственных перформансов, выражавших мои представления о реальности, но хотя многим ровесникам они пришлись по вкусу, от взрослых я слышал лишь резкую критику.

Например, я приготовил настоящий огромный крем-овый деньрожденческий торт и врезался в него машиной, которая, по моей задумке, использовала сладости в качестве топлива. А в конце перформанса я запускал яркие разноцветные фейерверки.

В другой раз, иронизируя над обществом потребления, я набрал как можно больше сладостей в ярких упаковках, дождался, пока они испортятся, и вместе со всевозможными бытовыми отходами поместил в продуктовые тележки из супермаркетов, которые выставлял на разных площадках.

Подобные выставки и перформансы вызывали крайне холодную реакцию — мой энтузиазм не особенно разделяли.

Не проиграть ни обыденности, ни критике

Мне нередко приходилось выслушивать резкую критику от людей из сферы искусства: **«Из-за того что такое ребячество зовут творчеством, японскому искусству и настанет конец. Я ни за что не признаю подобное творчество».**

Находились и критики, которые относили мои работы к «течению дурости». Подобные колкости, конечно же, не могли не нанести удар по моему самолюбию — тем более что тогда мне только перевалило за двадцать. Однако я не был мастером в спорах и не находил, что возразить, поэтому оставалось только молча проглотить обиду.

Но несмотря на это я все же не собирался отказываться от пути самовыражения.

«Раз так, может, есть еще какой-то способ продолжать творить?» — когда я обдумал все еще раз, мне и вспомнились многочисленные магазинчики и бутики в Харадзюку, куда я и сам часто ходил за покупками. Может, открыть подобное заведение? Тогда критика будет выражаться лишь в том, покупают люди товары или нет. Если магазин понравится многим, то будет процветать, если нет — что ж, просто закрою его. Тут не будет места двусмысленности и вздору, присущему критике.

И так в конце своих долгих странствий я сменил место своего самовыражения с театра и художественных галерей на магазинчик на Харадзюку под названием 6%DOKIDOKI.

НЕ СУЩЕСТВУЕТ ПРАВИЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Всю свою юность я изо всех сил стремился придать жизни осмысленные очертания. То готов был сдаться под грузом тягот, то, напротив, отталкиваясь от них, пытался выразить себя.

Разумеется, эти тяготы — не что-то присущее мне одному, наверное, можно сказать, что это вездесущая тяжесть бытия, которую в той или иной форме ощущает молодежь всех поколений. Все время, пока я жил в Мацудо и Осаке, главной причиной тревоги, лежащей на душе, на самом деле было беспокойство о том, что моя жизнь сходит с нормального пути.

Окончив старшую школу, я не поступил в университет, не устроился на работу. У меня не было семьи, никто не признавал меня. Даже дома своего толком не было — лишь адрес, где я числился и вел унылую затворническую жизнь. Я прекрасно понимал, что стремительно удаляюсь от правильно-

го пути в жизни, следовать по которому требует общество. Но, с другой стороны, я не представлял, как же мне прожить свою жизнь вне этого пути.

Тревожась из-за того, что я не в силах понять, что делать дальше, и из-за противоречий, я мог только отчаянно барахтаться, не зная, куда двигаться.

Встретившись с книгой Сюдзи Тэраямы, я осознал, что образ жизни каждого человека индивидуален и нет единственно правильного и верного пути, однако я был слишком привязан к обычной жизни и постоянно равнялся на нее подсознательно.

Поэтому, живя в Осаке затворником, я множество раз думал: «Нужно все же поступить в университет и исправить все, начать жить, как полагается». Чувства, что обуревали меня тогда, сходны с тем, что испытывает человек, в одиночестве дрейфующий в лодке посреди бушующего моря. **Я не мог решить-ся ни принять обычную жизнь, ни полностью отбросить ее, застрял где-то посередине — оттого на душе у меня и было так тяжело.**

Кроме того, осложняли жизнь и мои комплексы. С самого детства я был очень закомплексованным человеком. Мне не нравилось дело, которым занималась моя семья, — торговля тканями и кимоно, и я нередко жалел, что не родился в семье

обычных офисных служащих. Я винил родителей в том, что они оказались не способны создать нормальную семью, затаил на них обиду за то время, когда я почти ничего не слышал из-за проблем со слухом... **Казалось, сколько ни бейся — все равно все в жизни будет катиться под откос.**

Я вроде бы получил возможность заняться творчеством, самовыражением, но мне хотелось быть причастным не к мейнстримному искусству, а к чему-то очень специфичному, субкультурному. Однако что бы я ни делал, это подвергалось лишь критике и нападкам. И даже когда я открыл магазин в Харадзюку, мне приходилось слышать, что это и не магазин вовсе.

«Это не искусство». «Это не мода». «Это не бизнес...» Что бы я ни делал, все подвергалось лишь порицанию. В то время я воспринимал все это только в негативном ключе, что породило комплекс неполноценности.

Комплексы можно превратить в силу

Нельзя сказать, что все эти комплексы со временем совершенно исчезли. Для меня они словно тату, которое, сколько ни стирай, след все равно останется, или злейшие друзья на всю жизнь.

Однако со временем я понял: комплексы могут придать энергию, необходимую для того, чтобы справиться со стрессовыми ситуациями и негативом и преодолеть их. Пусть и не сразу, но мне удалось постичь эту истину.

Источник комплексов лежит в наших слабостях, поэтому они и причиняют столько страданий. Всю жизнь мы пытаемся избавиться от них, перечеркнуть, обойти... Но полностью стереть их все равно не удастся — зато можно «приручить» их, научиться правильно использовать, меняя ситуацию к лучшему.

Когда мое творчество порицали, мне было очень обидно, но эта обида, едва не сломившая меня, одновременно подвигла на протест: «Смотрите же, однажды я вам всем еще покажу!» И этот протест придал сил и мотивации.

Пусть это и не всегда заметно, но я из тех людей, что ненавидят проигрывать. «Однажды я непременно нанесу ответный сокрушительный удар — ради этого стоит постараться!» — вот какие чувства бурлили во мне и придавали мне силы в трудные времена, помогли двигаться дальше.

Так, свою первую книгу «Отрезанная ветвь семейного древа» я написал потому, что хотел как следует перетряхнуть свои давние детские воспоминания, о которых никому никогда не

рассказывал и которые стали источником многих моих комплексов, обратиться к своей темной стороне и таким образом вернуться к точке старта, к самому себе.

Это на самом деле непросто — встретиться лицом к лицу с темными сторонами своей души, которые подсознательно хочется спрятать куда подальше. Поэтому я до сих пор испытываю противоречивые чувства к этой книге — я написал ее, но не хочу, чтобы кто-то читал, опубликовал ее, но не хочу, чтобы она попадалась людям на глаза. Но это как раз и доказывает, что книга обнажила мою душу и стала моей исповедью, а ведь без этого невозможно никакое самовыражение.

Можно сказать, что ее создание являлось несколько неуклюжим и неприглядным выражением стремления состояться как творец. И, словно в подтверждение этому, в 2011 году, когда книга вышла в свет, моя жизнь начала стремительно меняться.

Таким образом, используя в качестве спускового механизма свою жажду дать отпор, отыгаться, я смог обратить свои слабости и комплексы в силу и считаю, что мне очень повезло получить опыт, благодаря которому я научился этому.